

УДК 31

**Динамика регионального социологического
анализа международного конфликта****Зевелева Елена Александровна**

Кандидат исторических наук, профессор,
академик Российской академии естественных наук,
заведующий кафедрой гуманитарных наук,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: aleksandr.sapsai@yandex.ru

Казакова Людмила Константиновна

Доцент кафедры гуманитарных наук,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: kazakovalk@mail.ru

Лепилин Сергей Владимирович

Старший преподаватель кафедры гуманитарных наук,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: kaffilos@yandex.ru

Третьякова Наталья Мизаировна

Старший преподаватель кафедры гуманитарных наук,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: natalia.tretyakova@mail.ru

Карандаева Татьяна Сергеевна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и права,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: tkarandaeva@yandex.ru

Денисова Людмила Евгеньевна

Магистр государственного управления,
начальник Управления молодежной политики,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: denisovale@mgri.ru

Аннотация

Правовые нормы, применимые к двум классам конфликтов, как правило, сходятся конкретно в том, что касается права, касающегося оружия, и закона о целеопределении. Это сближение в отношении оружейного права обсуждается в тех случаях, когда делается вывод о том, что для полного сближения права оружия, применимого соответственно в международных и немеждународных вооруженных конфликтах, все государства-участники Конвенции об обычных вооружениях должны будут ратифицировать ее до 2001 год. Конвенция об изменении окружающей среды должна применяться к обоим классам конфликтов, и ограничивать жертвы конфликта от военного преступления, должна быть связана с запретом на распространение пуль, должно быть сделано применение к международным и немеждународным вооруженным конфликтам, а нормы, содержащиеся в статьях 35(3) и 55 API, должны быть распространены на обе категории конфликтов. Как представляется, в этом заключается различие в военном праве применительно к каждому классу конфликтов.

Для цитирования в научных исследованиях

Зевелева Е.А., Казакова Л.К., Лепилин С.В., Третьякова Н.М., Карандаева Т.С., Денисова Л.Е. Динамика регионального социологического анализа международного конфликта // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 4В. С. 148-157.

Ключевые слова

Военные преступления, целеопределение, нормы, жертвы, правовые нормы.

Введение

В праве международных вооруженных конфликтов гражданские лица определяются в негативном свете применительно к комбатантам. В немеждународных вооруженных конфликтах существует такое определение гражданских лиц, и еще этот термин используется в текстах законов, касающихся немеждународных вооруженных конфликтов, например МККК в Хенкертс и Досвальд-Бек, в API и NIAC. Хотя нет никаких сомнений в том, что принцип различия применяется в вооруженных конфликтах немеждународного характера, задача заключается в формулировании этого принципа, особенно в его применении к гражданским лицам. В руководстве NIAC говорится о бойцах в отличие от гражданских лиц. Хотя терминология может быть проблематичной, однако некоторые жизненно важные концепции, с которыми мы знакомы в связи с международным вооруженным конфликтом, переносятся в

право немеждународного вооруженного конфликта. Так, например, в праве немеждународного вооруженного конфликта признается, что гражданские лица не должны становиться объектом нападения, за исключением тех случаев, когда они принимают непосредственное участие в военных действиях.

Что касается определения военных объектов, то АРП не содержит определения военных целей и конкретно не обязывает государства воздерживаться от направления нападений на гражданские объекты, упущения, которые, как утверждает исследование МККК, исправляются обычным правом. Аналогичным образом, АРП не содержит норм о мерах предосторожности, которые должны принимать стороны в конфликте. В исследовании МККК также делается вывод о том, что положения обычного права аналогичны положениям двух классов конфликтов как в отношении мер предосторожности, которые обязаны принимать нападающие, так и в отношении мер предосторожности, которые должны принимать стороны в конфликте в отношении последствий нападений [Чжу, 2018].

Основное содержание

Хотя обычное право в этих отношениях может иметь некоторые сходства между международным и немеждународным вооруженным конфликтом, существуют очевидные различия в нормах договорного права. Проще говоря, детализация правил таргетинга в статьях 48-67 АРП не воспроизводится в АРП. Так, в то время как РР-П формирует требования о сохранности определенных сооружений, например установки и сооружения, обеспечивающие технологическую безопасность, а именно плотины, дамбы и атомные электростанции, культурных ценностей и мест отправления культа, а объектов, необходимых для выживания гражданского населения. Конкретизация правового обеспечения в АРП уступает АРП и является недостаточной. Так, например, норма договора о вооруженном конфликте немеждународного характера, касающаяся работ и установок, обеспечивающие технологическую безопасность силы, в отличие от аналогичной нормы АРП, не содержит конкретной нормы, касающейся нападения на военные объекты, расположенные вблизи таких объектов, и не содержит подробных положений о том, когда прекращается специальная защита [Громогласова, 2016].

Что касается культурных объектов, то статья 53 АРП по определению применяется только в случае международного вооруженного конфликта. Гораздо более всеобъемлющие меры защиты, предусмотренные Гаагской конвенцией 1954 года, в полной мере применяются во время международного вооруженного конфликта и в периоды оккупации воюющими сторонами. Однако во время немеждународного вооруженного конфликта конвенция обязывает государства-участники применять как минимум положения международного законодательства, касающиеся уважения культурных ценностей. Второй протокол 1999 года применяется во время международного вооруженного конфликта и военной оккупации, но не во время немеждународного вооруженного конфликта, что представляет собой дополнительное и существенное различие в правовых механизмах, связанных с двумя классами конфликтов [Старцун, Балканов, 2017].

Еще одно, более общее различие между международными и немеждународными вооруженными конфликтами заключается в том, что, хотя все стороны первых, будучи государствами, имеют право участвовать в разработке права, регулирующего такие конфликты, вооруженные группы, участвующие в немеждународных вооруженных конфликтах, не

участвуют в разработке права, которое их связывает. Возникает вопрос, почему негосударственные субъекты должны быть связаны теми же правилами, что и государства. Рассмотрев, в частности, практику и *opinio juris* таких групп и возможный обычный принцип, согласно которому обязательства, принятые правительством территориального государства, применяются к воюющим там группам, можно отметить, что, хотя нет никаких разногласий в отношении того, что такие группы связаны определенными нормами МГП, существуют разногласия в отношении того, почему это так [Примак, Зверев, 2017].

Таким образом, существуют весьма существенные различия в договорных механизмах для двух классов конфликтов. Следует напомнить, что, когда договорное и обычное право содержат аналогичные нормы по конкретному вопросу, эти две нормы являются менее различными. Само собой разумеется, что в той мере, в какой обычное право содержит аналогичные нормы в отношении международного и немеждународного вооруженного конфликта, это будет способствовать устранению разрыва в эффективном правовом обеспечении. Хотя в исследовании МККК, как мы видели, утверждается, что в целом ряде важных аспектов это так, не все авторы согласны с этим, и Соединенные Штаты выразили серьезные оговорки в отношении некоторых выводов, сделанных в исследовании МККК.

Как представляется, мы можем сделать вывод о том, что существуют и, вероятно, будут сохраняться существенные и важные различия в праве, применимом к международным и немеждународным вооруженным конфликтам, до тех пор, пока государства будут рассматривать эти два вида конфликтов как принципиально разные [Пшеничнов, 2016]. Тенденция к сближению этих двух элементов права была усилена благодаря формулированию в Римском статуте военных преступлений, применимых к немеждународным вооруженным конфликтам. При этом военные преступления, перечисленные в статье 8(2)(b) этого статута, в значительной степени отличаются от преступлений, перечисленных в статье 8(2)(c) и (e). Процесс конвергенции имеет свои пределы. Если международные и немеждународные вооруженные конфликты должны оставаться отличительными чертами правового спектра конфликтов, то следующий вопрос заключается в том, следует ли продолжать разделять вооруженные конфликты немеждународного характера между теми, к которым применяется только САЗ, и теми, которые также регулируются АРП .

Общая статья 3 применяется ко всем немеждународным вооруженным конфликтам, тогда как АРП применяется только к тем немеждународным вооруженным конфликтам, которые удовлетворяют довольно строгим критериям, изложенным в статье 1 этого договора. Общая статья 3 содержит некоторые основные положения о защите, а РПИ, хотя его положения и являются несколько более обширными, является значительно менее всеобъемлющим, чем правовые договоренности в АРП и в других местах, регулирующих ведение военных действий в международном вооруженном конфликте. Большинство современных вооруженных конфликтов носят неинтернатный характер, и, как мы видели, существуют разногласия в отношении того, в какой степени обычные нормы, применимые к международным вооруженным конфликтам, распространяются на немеждународные вооруженные конфликты. Возникающая в результате этого неопределенность в отношении права немеждународных вооруженных конфликтов и любые связанные с этим пробелы в его положениях достойны сожаления, и есть предложения о том, что право прав человека каким-то образом заполняет эти пробелы [Горшечников, Малышев, Пивоваров, 2017].

С учетом того, что государства еще не реализовали более широкий спектр договоров,

например в отношении немеждународных вооруженных конфликтов, неудивительно, что по этой и другим причинам в последние годы мы стали свидетелями ряда инициатив по подготовке международных руководств в явных усилиях по разъяснению права по конкретным темам, касающимся вооруженных конфликтов. Хотя эти усилия и порождающие их мотивы заслуживают похвалы, в идеальном мире предпочтительный курс действий состоял бы в том, чтобы государства устраняли любые недостатки в праве путем проведения переговоров и принятия современных договорных норм, которые основательно регулировали бы ведение военных действий в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера. Однако отсутствие глобального консенсуса по этим вопросам может означать, что такие переговоры пока невозможны, и всегда существует опасность того, что новые переговоры приведут к менее удовлетворительным договоренностям, чем те, которые мы имеем в настоящее время.

Как мы видели, различие между немеждународными вооруженными конфликтами и конфликтами, к которым не применяется право вооруженных конфликтов, проводится в статье 1(2) АРП путем исключения из сферы применения протокола ситуаций внутренних беспорядков и напряженности, таких, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и другие акты аналогичного характера, не являющиеся вооруженными конфликтами. Статья 8 (2) (d) Римского статута исключает те же события из числа военных преступлений, перечисленных в статье 8(2) (c), преступлений, которые отражают нарушения общей статьи 3. Кроме того, Статья 8(2)(F) исключает события с военными преступлениями в статье 8(2)(e), связанные с вооруженными конфликтами, к которым относится АРП.

Возникает законный вопрос о том, можно ли считать вооруженным конфликтом более интенсивную, организованную и насильственную преступную деятельность, чем та, которая отражена в приведенной формулировке [Левандовская, 2016]. Ранее мы обсуждали различие между политически мотивированным насилием и насильственной или иной деятельностью, мотивированной исключительно личным обогащением или другими преступными целями. Было отмечено, что различие между согласованными насильственными преступлениями, особенно совершаемыми организованной вооруженной группой, и немеждународными вооруженными конфликтами, как правило, стирается. Тенденция в наше время к совершению насильственных террористических актов на повторяющейся, частой и организованной основе заставляет усомниться в том, что различие между вопросами, которые остаются исключительно внутренней заботой государства, и вопросами, которые требуют применения права вооруженных конфликтов, остается в силе. Однако можно убедительно утверждать, что сохранение беспорядков, напряженности, беспорядков и изолированного и спорадического насилия вне понятия вооруженного конфликта является правильной основой для проведения различия, тот, который сегодня столь же актуален, как и тогда, когда государства в 1977 и 1998 годах вели переговоры по этому вопросу. Повторяющиеся, частые и организованные акты насилия не являются изолированными и спорадическими; они должным образом относят конфликт к категории, которая отличается от случайных периодических преступлений, которые могут

В целом транснациональный терроризм будет равнозначен преступному поведению, нарушающему внутреннее законодательство территории, на которой он совершается, и к которому государства обычно будут применять правоохранные процедуры. Если интенсивность и частота насилия и организованный характер соответствующей вооруженной группы достигают порога вооруженного конфликта в конкретном государстве, то в этом

государстве может возникнуть немеждународный вооруженный конфликт. Наличие немеждународного вооруженного конфликта в одном государстве не требует классификации насильственных действий той же организованной вооруженной группы в другом государстве в качестве немеждународного вооруженного конфликта. Аналогичным образом, участие государства а в немеждународном вооруженном конфликте против организованной вооруженной группы в принимающем государстве в не обязательно означает, что военные операции государства а против той же организованной вооруженной группы в государстве С и с его согласия будут представлять собой немеждународный вооруженный конфликт в государстве С. Короче говоря, насилие не может быть объединено через границы для определения наличия немеждународного вооруженного конфликта. Именно ситуация в конкретном государстве будет определять, происходит ли в этом государстве немеждународный вооруженный конфликт.

Важным вопросом является вопрос о том, каким образом государство может на законных основаниях проводить трансграничные операции, если понятие трансграничного реагирования на террористическое нападение действительно считается законным. Если это так, то прежде, чем осуществлять самооборону в форме неконсенсуального нарушения суверенитета принимающего террориста государства, подвергшееся нападению государство должно предоставить принимающему государству разумную возможность принять меры против террористической группы.

Не может быть никаких сомнений в том, что явление транснационального терроризма бросило вызов предыдущему широкому признанию различий, лежащих в основе нашего правового спектра конфликтов. Все чаще утверждается, что возникающие в результате этого конфликты в Афганистане, Пакистане и, возможно, Йемене представляют собой вооруженные конфликты немеждународного характера, что предполагает, что иностранные силы, участвующие в этих конфликтах, действуют в поддержку или с согласия правительства соответствующей страны. Таким образом, "глобальная война" на самом деле представляет собой совокупность отдельных войн. Каждая такая война ведется "против" организованных вооруженных группировок в этой стране, которые совершают акты насилия, включая акты терроризма. Иностранные силы ограничены какими-либо условиями, связанными с согласием соответствующего правительства, и если иностранные силы будут совершать насильственные действия против сил соответствующего правительства, а не с его согласия или иным образом в нарушение суверенитета территориального государства, это может превратить конфликт в международный вооруженный конфликт.

Тем не менее государство, столкнувшееся с террористической угрозой, сохраняет за собой право, если оно решит рассматривать этот вопрос как ситуацию в области внутренней безопасности, к которой оно применяет уголовно-правовую парадигму. Именно такую позицию занимало Соединенное Королевство во всех "бедах" Северной Ирландии. Проводя такую линию, национальные власти, конечно, ограничивают свои законные рамки действий, но это находится в пределах суверенного усмотрения государства. Кроме того, нет никаких оснований для того, чтобы эта позиция менялась, когда террористическая деятельность имеет транснациональные характеристики. Конкретное государство по-прежнему вправе по своему усмотрению рассматривать элементы транснационального вопроса, которые затрагивают его в качестве преступного деяния, причем некоторые виды деятельности относятся к его исключительной уголовной юрисдикции, в то время как другие террористические акты могут

подпадать под юрисдикцию других государств. Если говорить прямо, то тот факт, что одно государство предпочитает характеризовать акты терроризма, которые затрагивают его, как вооруженный конфликт, будь то международный или немеждународный, не препятствует другому государству, затронутому террористическими актами той же группы или ассоциации лиц, квалифицировать эти акты как исключительно преступные по своему характеру.

Таким образом, транснациональное насилие со стороны организованной вооруженной группы, действующей в нескольких государствах либо против других таких групп в этих государствах, либо против их соответствующих правительств, должно оцениваться с учетом характера и степени насилия, которое имеет место в каждом государстве, и с учетом того, каким образом насилие характеризуется правительством каждого государства. Соответственно, если насилие в государстве связано с организованной вооруженной группой, достигает общего порогового уровня по статье 3 и если правительство государства квалифицирует соответствующие события как равносильные вооруженному конфликту немеждународного характера, то применяется право немеждународного вооруженного конфликта. И это несмотря на то, что деятельность той же транснациональной террористической организации в другом государстве пресекается властями этого другого государства исключительно путем применения правоохранительных механизмов. В противном случае толкование вопросов лишило бы власти государства практической возможности определять статус деятельности в области внутренней безопасности, которой оно занимается, и, таким образом, могло бы быть истолковано как неприемлемое ограничение суверенных прав этого государства.

Ни в коем случае не ясно, согласятся ли государства с новыми договорными механизмами для корректировки спектра конфликтов способом, упомянутым в настоящей главе, или каким-либо иным образом. Эта тема, как представляется, вызывает беспокойство, и государства, похоже, предпочитают оставить ее в покое. Поэтому, если, как полагает автор, в обозримом будущем вряд ли будет существовать конкретное положение договорного права по этому вопросу, то можно было бы задаться вопросом о том, не будет ли найден какой-либо другой способ внести соответствующие коррективы формальным образом.

Скорее всего, ответ будет отрицательным. Статья 1 (4) API будет оставаться в качестве положения обычного права до тех пор, пока государства не изменят это положение в соответствии со статьей 97 API. Мы определили веские политические причины, по которым должно сохраняться различие между общей статьей 3 и немеждународными вооруженными конфликтами в рамках РПИ.

Различие между вооруженными конфликтами, будь то международными или немеждународными, и событиями, не связанными с вооруженными конфликтами, как представляется, основано на рациональном различии, которое отражает порог деятельности, которую государства считают законно имеющей значение для их исключительной внутренней юрисдикции. Представляется маловероятным, что государства захотят изменить это различие, как оно понимается в настоящее время, и, как представляется, в этом нет настоятельной необходимости.

Процесс сближения норм права в той мере, в какой они применяются, соответственно, в международных и немеждународных вооруженных конфликтах также, как представляется, будет продолжаться, но вряд ли приведет к выработке идентичных правовых положений. Статус комбатанта останется жизненно важным камнем преткновения. Однако растущее значение права прав человека применительно к вопросам, которые традиционно рассматриваются в

качестве исключительной компетенции права вооруженных конфликтов, является еще одним фактором, имеющим отношение к будущему правовому спектру конфликтов. Можно ожидать, что в предстоящие годы право прав человека будет приобретать все большее значение, особенно если право вооруженных конфликтов будет восприниматься как недостаточно развитое, например в отношении немеждународных вооруженных конфликтов. Следует сомневаться в том, что в конечном итоге это приведет к стиранию различий между классами конфликтов, о которых мы говорили. Еще предстоит выяснить, побуждает ли оно государства обновлять положения права вооруженных конфликтов с помощью нового договорного права.

Представляется очевидным, что в будущем сохранится тенденция к тому, чтобы вооруженные конфликты носили сложный характер, иногда охватывая различные категории конфликтов на территории одного государства. Эти сложные ситуации будут по-прежнему создавать проблемы для командиров и их юрисконсультов, которые будут заинтересованы в том, чтобы превалировать в ситуации, с которой они сталкиваются, обеспечивая при этом, чтобы меры, принимаемые развернутыми войсками, соответствовали любым правовым нормам, применимым в данном месте и в соответствующее время.

Заключение

Если формальная, договорная адаптация к спектру конфликтов представляется маловероятной, то очевидный вопрос заключается в том, является ли вероятным или даже желательным применение какого-либо иного подхода для решения некоторых вопросов, обсуждаемых в настоящей главе. Хотя государства, разумеется, могут заявлять о своих национальных позициях по этим, да и по другим вопросам, касающимся международного права, они вряд ли сделают это в нынешнем контексте, поскольку даже односторонние заявления могут привести к тому, что этот деликатный вопрос станет предметом нежелательного внимания. Возможно, лучший подход заключается в том, чтобы позволить практике государств, мнениям юристов и решениям международных судов корректировать понимание правового спектра в той мере, в какой это необходимо для удовлетворения современных требований.

Библиография

1. Usmanov Y.I. International mechanisms for the protection of the right to life in armed conflicts // Проблемы законности. 2018. № 140. С. 154-165.
2. Громогласова Е.С. Современный военно-силовой контртерроризм: международно-политический и правовой аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3. С. 426-436.
3. Примак Т.К., Зверев П.Г. О правилах ведения боя и применимости законов оккупации // Военно-юридический журнал. 2017. № 9. С. 30-32.
4. Левандовская М.Г. Доктрина государственного акта и уголовная ответственность за военные преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 37-40.
5. Чжу Д. Политика двойных стандартов в международных отношениях // Аллея науки. 2018. Т. 5. № 6 (22). С. 51-54.
6. Старцун В.Н., Балканов И.В. Бессрочная война: неурегулированность окончания вооруженного конфликта в международном праве // Вестник военного права. 2017. № 3. С. 54-62.
7. Горшечников О.М., Малышев А.И., Пивоваров Ю.Ф. Проблемы типологии современных войн и вооруженных конфликтов // Вестник академии военных наук. 2017. № 1 (58). С. 48-54.
8. Пшеничнов И.М. Преступления против человечества и человечности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 329-332.

The dynamics of a regional sociological analysis of international conflict**Elena A. Zeveleva**

PhD in History, Professor,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,
Head of the Department of Humanities,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: aleksandr.sapsai@yandex.ru

Lyudmila K. Kazakova

Associate Professor of the Department of Humanities,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kazakovalk@mail.ru

Sergei V. Lepilin

Senior Lecturer of the Department of Humanities,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kaffilos@yandex.ru

Natal'ya M. Tret'yakova

Senior Lecturer of the Department of Humanities,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: natalia.tretyakova@mail.ru

Tat'yana S. Karandaeva

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department Philosophy and Law,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tkarandaeva@yandex.ru

Lyudmila E. Denisova

Master of Public Administration,
Head of the Youth Policy Department,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: denisovale@mgri.ru

Abstract

It should be noted that the legal rules applicable to the two classes of conflicts tend to converge specifically with regard to the law relating to weapons and the law on targeting. This convergence with respect to arms law is discussed when it is concluded that in order to achieve a full convergence of the law of arms applicable in international and non-international armed conflicts, respectively, all States parties to the Convention on conventional arms would have to ratify it before 2001. The Convention on environmental change should apply to both classes of conflict, and limit the victims of conflict from war crimes, should be linked to the prohibition of the proliferation of bullets, should be applied to international and non-international armed conflicts, and the rules contained in articles 35 (3) and 55 of the Convention should be extended to both categories of conflict.

For citation

Zeveleva E.A., Kazakova L.K., Lepilin S.V., Tret'yakova N.M., Karandaeva T.S., Denisova L.E. (2019) Dinamika regional'nogo sotsiologicheskogo analiza mezhdunarodnogo konflikta [The dynamics of a regional sociological analysis of international conflict]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (4B), pp. 148-157.

Keywords

War crimes, targeting, norms, victims, legal norms.

References

1. Usmanov Y.I. International mechanisms for the protection of the right to life in armed conflicts // *Problems of Legality*. 2018. No. 140.P. 154-165.
2. Gromoglasova E.S. Modern military-force counter-terrorism: international political and legal aspects // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. 2016.V. 16. No. 3. P. 426-436.
3. Primak TK, Zverev P.G. On the rules of warfare and the applicability of the laws of occupation // *Military Law Journal*. 2017. No. 9. P. 30-32.
4. Lewandowska M.G. The doctrine of the state act and criminal liability for war crimes // *Gaps in Russian law*. 2016. No. 5. P. 37-40.
5. Zhu D. Politics of double standards in international relations // *Science Alley*. 2018.Vol. 5. No. 6 (22). S. 51-54.
6. Startsun V.N., Balkanov I.V. Perpetual war: the unsettled end of armed conflict in international law // *Military Law Bulletin*. 2017. No. 3. P. 54-62.
7. Gorshechnikov O.M., Malyshev A.I., Pivovarov Yu.F. Problems of typology of modern wars and armed conflicts // *Bulletin of the Academy of Military Sciences*. 2017. No. 1 (58). S. 48-54.
8. Pshenichnov I.M. Crimes against humanity and humanity // *Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 2 (34). S. 329-332.